

В результате действия данных процессов сформировался довольно значительный социальный слой, обладающий достаточно высоким уровнем доходов, сходным характером труда, стилем социального поведения, специфическим языком общения, образом жизни. И черты образа жизни данного социального слоя начинают заметно распространяться и среди иных социальных групп, не занятых в сфере производства информационно-коммуникационных технологий, но выступающих как их потребители.

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии являются весьма важным фактором интеграции мировой экономической системы. Можно четко выделить три основных направления реализации данной функции.

Во-первых, проникая во все сферы мировой экономической системы, они синхронизируют их, непосредственно формируют основные формы, нормы, средства, способы и процедуры получения, обработки, хранения, передачи (обмена) и использования информации.

Во-вторых, информационно-коммуникационные технологии, будучи интернациональными по способам построения и функционирования, задают определенные интеграционные нормативы, которые проникают во все компоненты мировой экономической системы. Возникает и развивается особая виртуальная среда, функционирующая во всех элементах мировой экономики, но обладающая при этом уже и собственными законами функционирования и развития.

В-третьих, происходит формирование новых социальных групп и слоев, связанных с деятельностью в сфере информационно-коммуникационных технологий. Помимо этого, происходят соответствующие трансформации в образе жизни и иных социальных групп, выступающих потребителями информационно-коммуникационных технологий.

Учитывая всестороннее воздействие информационно-коммуникационных технологий на мировую экономическую систему, можно сделать вывод о том, что данный ее компонент выступает системообразующим фактором особого рода, «парадигмальным» по своей сути.

РАЦИОНАЛИЗМ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В.С. Рейкин

*канд. экон. наук, доц., Восточноевропейский национальный университет
им. Леси Украинки, г. Луцк, Украина*

Возникновение экономической теории правонарушений (неоинституциональное направление мейнстрима) связано с публикацией в 1968 основополагающей статьи нобелевским лауреатом Г. Беккером «Преступление и наказание: экономический подход» [8]. Хотя в ретроспективе отдельные идеи применения экономического подхода к правовым проблемам нарушения законодательства были высказаны еще в работах европейских мыслителей 18 века Ч. Беккариа, И. Бентамом, Б. Мандевиль [1; 4; 5], однако указанная теория полноценно сформирова-

рвалась относительно недавно – в 70-х гг. XX ст. Этим самым было начато новое направление научных исследований теневых явлений и процессов.

Исследования Г. Беккера представляет собой обобщенный экономический анализ экстерналильных эффектов относительно осуществленных правонарушений и преступлений теневой сферы. основополагающей идеей исследований Г. Беккера является доминирование экономических соображений при принятии жизненно важных решений индивидами, иногда даже неосознанно. Комплексные возможности применения экономического подхода Г. Беккер демонстрирует также в других аспектах человеческой деятельности, анализируя условия заключения брака, политическую активность, социальные взаимодействия [2]. Этим он доказывает универсальную способность экономического подхода, интегрирующего разносторонние формы человеческого поведения.

Методологическое ядро исследований Г. Беккера образуют три компонента: «связанные воедино предположения о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений <...> образуют сердцевину экономического подхода в моем понимании» [3, с. 27].

Экономический подход Г. Беккера в явной форме и в более широком диапазоне чем другие опирается на базовый принцип его методологии – рациональность правонарушителей, которые осуществляют свой выбор, сопоставляя затраты и выгоды каждой из доступных альтернатив, и принимающие решение в отношении институциональной среды экономической деятельности. В свое время И. Бентам доказывал, что выгода от преступления – это тот мотив, который побуждает человека к правонарушению, а ценность наказания – сила, которая применяется для сдерживания; если первый из этих факторов преобладает, то преступление будет совершено (правило первое) [4, с. 231-232]. Хотя идея рационального выбора экономическими агентами незаконного поведения была высказана задолго до представлений современных экономистов, до Беккера экономическое поведение правонарушителей считалась в значительной степени иррациональным и таким, что не подлежит научному анализу.

Фактически Г. Беккер отметил, что сознательный выбор в пользу теневой деятельности ничем принципиально не отличается от избрания любой профессии, в т.ч. уголовной [3, с. 34]. Традиционный экономический анализ выбора определяется общими причинами выгоды от деятельности в легальной или нелегальной сфере и предусматривает, что индивид осуществляет соответствующие действия, когда ожидаемая польза от правонарушений превышает альтернативную полезность использования собственного времени, средств и умений. То есть, «некоторые люди становятся преступниками не потому, что их базовая мотивация отлична от мотивации других людей, а потому, что у них иная оценка издержек и выгод» [2, с. 293]. При этом считается, что в основе поведения правонарушителей лежит стремление максимизировать эффективность использования человеческого капитала при ограниченных ресурсах – та же мотивация, что и в обычных индивидов.

Экономические агенты зачастую субъективно оценивают одинаковый размер убытков или доходов от отдельных видов правонарушений и по разному

относятся к приоритетным ценностям того или иного общества. Однако, по мнению Г. Беккера, «человеческое поведение не следует разбивать на какие-то отдельные отсеки, в одном из которых оно носит максимизирующий характер, в другом – нет, в одном мотивируется стабильными предпочтениями, в другом – неустойчивыми, в одном приводит к накоплению оптимального объема информации, в другом не приводит» [3, с. 38]. Ученый гипотетически допускает существование определенного консенсуса по этой проблеме, оставляя моральные аспекты за пределами своей теории и основываясь на допустимости экономических расчетов в работах философа И. Бенгтама и основоположника классического направления криминологии Ч. Беккариа [1; 4].

Г. Беккер осуществил относительно простой анализ возможных доходов от преступления по сравнению с вероятными потерями от наказания. При этом в качестве универсальных критериев оценки выгоды используются стоимостные показатели и одновременно постулируется отказ от сложноизмеряемых морально-этических оценок и идеологической предвзятости несоблюдения общественных норм и правил.

Теоретическая модель представлена им в виде формулы [2, с. 294]:

$$EU = p * U(Y - f) + (1 - p) * U(Y), \quad (1)$$

где EU (expected utility) – ожидаемая полезность от совершения преступления; p – вероятность обнаружения и наказания преступника; U – функция полезности для субъекта криминальной экономики; Y – доход субъекта вследствие совершения преступления; f – денежный эквивалент наказания.

В общем согласны с Г. Беккером, что поведение правонарушителя, как и любого человека, преимущественно базируется на рациональной компоненте. Одновременно с этим он признает существование трансакционных издержек (как в денежной, так и в психологической форме), неполноту и несовершенство информации [3, с. 28], что не требует соблюдения условий абсолютной рациональности. Тем самым Беккер фактически опирается на «ограниченный рационализм» в понимании О. Уильямсона [6, с. 40] отличный от иррациональности Д. Канемана. Иррациональность Г. Беккер объясняет классически – как недостаток понимания человеческого поведения на основе экономического подхода.

В случае, когда доходность отрицательная, правонарушения все равно может осуществляться рациональными индивидами. Этот парадокс объясняется теорией пессимизма и оптимизма Дж. Хэя [7, с. 324], а также теорией перспективы Канемана-Тверски [10]: экономические агенты, которые подвержены риску, как правило завышают вероятность реализации благоприятных результатов (потенциальных доходов) за счет занижения вероятности наказания, одновременно недооценивая возможные неудовлетворительные сценарии развития ситуаций. Такое положение следует трактовать как демонстрацию ограниченной рациональности теневого поведения субъектов, а не иррациональность. Поэтому отрицательный результат не доказывает отсутствие рационального принципа в действиях правонарушителей.

Важно акцентировать внимание на том, что интерпретация ограничений, которые накладываются на рациональность и иррациональность (как отдельная форма) являются отличными по сути, поэтому их отождествление неверно.

Экономическая модель Г. Беккера не предусматривает наличия совершенных знаний, исключительно достоверных расчетов и других нереальных допущений, но прогнозируемые результаты будут наблюдаться в том случае, если потенциальные правонарушители имеют подобные рассуждения и соответствующее теории поведение.

В ответ на критические замечания представителей других наук о рациональности субъектов и меркантильности всей теории правонарушений, Г. Беккер в своей нобелевской лекции отмечал: «... экономический подход, который я имею в виду, не предусматривает то, что индивиды мотивированы исключительно корыстными интересами или соображениями материальной выгоды. Речь идет об аналитическом методе, а не о тех или иных конкретных мотивах» [9, с. 385]. Однако автор считает, что трактовка преступника, как специфического варианта рационального человека, не вызывает возражений только в контексте рассмотрения корыстных правонарушений.

В целом экономический анализ правонарушений имеет определенные общие и объективные недостатки методологического характера:

1) в концепции индивидуального рационализма не учитываются возможные эффекты кооперации и сотрудничества между экономическими агентами;

2) доминирование монетарного критерия нечетко выраженное для сферы уголовной преступности (в отличие от скрытого сектора тенизации), что объясняется в отдельных случаях квазирациональную мотивацией субъектов на основании теории перспективы Канемана-Тверски и исследованиями поведенческой экономики других ученых;

3) принята в экономической теории правонарушений модель несколько упрощена и игнорирует двусторонний характер влияния факторов неэкономического происхождения. Культурные обычаи и традиции, механизмы социального взаимодействия, по мнению Г. Беккера, следует учитывать для относительно стабильной, а не динамической среды, хотя одновременно он и признает этот недостаток [3, с. 37].

Максимизация (ожидаемой полезности или доходности) не является единственным и универсальным критерием рациональности, но остается наиболее распространенной в практическом применении. Даже при ограниченной рациональности экономических агентов происходит процесс выбора наилучшей среди доступных альтернатив. Методологический критерий монетарной рациональности наиболее гибкий и универсальный, поскольку охватывает больше мотивов (компенсация, безопасность, реабилитация) по сравнению со специальными критериями.

На основе дифференцированного подхода к теневой экономике, следует отметить, что в прикладном аспекте монетарная рациональность имеет ряд преимуществ для скрытого (полулегального) сектора по сравнению с подпольным

(уголовным), поскольку при применении не возникают существенные методические трудности оценки нанесенного ущерба. Экономический подход требует мультидисциплинарной оценки для сферы уголовной преступности, но вполне самостоятелен и уместен при его применении к анализу корыстных правонарушений в скрытом секторе теневой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа; [сост. и предисл. В.С. Овчинского]. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 184 с.
2. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г.С. Беккер; [пер. с англ., сост., науч. ред., Р.И. Капелюшников]. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
3. Беккер Г.С. Экономический анализ и человеческое поведение / Г.С. Беккер // THESIS. – 1993. – Вып. 1. – С. 24-40.
4. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – 415 с.
5. Мандевиль Б. Басня о пчелах / Б. Мандевиль; [пер. с англ. Е.С. Лагутина]. – М.: Мысль, 1974. – 376 с. – (Серия «Философское наследие»).
6. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, "отношенческая" контрактация / О.И. Уильямсон; [науч. ред. В.С. Каткало]. – СПб.: Лениздат, CEV Press, 1996. – 702 с.
7. Хей Д.Д. Неопределенность в экономической теории / Д.Д. Хей / Панорама экономической мысли конца XX ст.; [пер. с англ. под ред. В.С. Автономова, С.А. Афонцева]. – СПб.: Экономическая школа, 2002. – Т.1. – С. 304-327.
8. Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach / G.S. Becker // Journal of Political Economy. – 1968. – Vol. 76. – № 2. – P. 169-217.
9. Becker G.S. The Economic Way of Looking at Life (Nobel Lecture) / G.S. Becker // Journal of Political Economy. – 1993. – Vol. 101. – № 3. – P. 385-409.
10. Kahneman D. Prospect theory: an analysis of decision under risk / D. Kahneman, A. Tversky // Econometrica, 1979. – Vol. 47. – № 2. – P. 263-291.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДИФИКАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

И.В. Стефанович

канд. экон. наук, доц., Международный университет «МИТСО», г. Минск, Беларусь

Одной из главных предпосылок успешного реформирования белорусской экономики и условием его дальнейшего поступательного движения является изменение поведения основных субъектов рыночного процесса: государства, предприятий, финансовых институтов, домашних хозяйств в направлении принятия условий игры рыночной экономической системы. В отношении домашних хозяйств это предполагает изменение их поведения, ценностей и норм, которыми они руководствуются в своей экономической деятельности в современных усло-